

УДК 321.1+348.71

Диалог церкви и государства: проблема интерпретации в консервативной идейно-политической философской традиции и политической теологии К. Шмитта

Н. С. Щёкин

Щёкин Николай Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром политической и экономической социологии, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, biant14@icloud.com

Традиционно на протяжении многих веков диалог церкви и государства в большинстве стран христианского мира характеризовался серьезным влиянием церкви на все значимые сферы социальной жизни. Раскрывая теократические основания институционализации ценностного диалога церкви и государства в современных обществах, автор акцентирует внимание на выяснении причин духовно-нравственного кризиса западной цивилизации. Церковь предпринимает попытку переосмыслить роль и место религии в современном обществе в соответствии с нравственными традициями европейского сообщества в противовес глобализационным процессам. Проанализирована концептуальная модель, в которой осмысливается данная проблема в рамках консервативной идейно-политической традиции (Э. Берк, Ж. де Местр и Л. де Бональд) и политической теологии К. Шмитта. По-новому сформулирована традиционная проблема взаимодействия церкви и государства как значимого ресурса в достижении социального консенсуса и успешного развития общества в целом. В контексте консервативной идейно-политической традиции и политической теологии обосновано, что именно выработка стратегии диалога церкви и государства привела к тому, что христианские культурные ценности, оставаясь во многом смыслообразующей константой европейской культуры, трансформируют свою клерикальную природу и успешно интегрируются в светский культурный ландшафт.

Ключевые слова: диалог церкви и государства, христианство, консерватизм, политическая теология, традиция, инновация, ценности, теократия.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-43-48>

Введение

Сегодня исследуется сложный комплекс вопросов, связанных с ролью и статусом христианской религии в современном мире, в частности в противоречивых процессах модернизации на постсоветском пространстве.

Однако, несмотря на этот исследовательский интерес, ряд актуальных вопросов, связанных с феноменом новейшего религиозного ренессанса, остается недостаточно проясненным и системно не изученным. Среди них явно доминирует проблема взаимодействия церкви и государства в условиях глобализирующегося мира и востребо-

ванности модернизационных сценариев развития в различных странах и регионах планеты. Проблема приобретает новые грани актуальности в контексте идеологии глобализма, провозгласившей тезис об исторической исчерпанности базовых компетенций национальных государств и их вытеснении транснациональными структурами на периферию современной жизни. Последние события и проблемы мировой социодинамики, ее экономические и геополитические трансформации все более свидетельствуют о принципиальной несостоятельности этого необоснованного радикализма глобалистской идеологии относительно роли и функций национальных государств в эпоху постмодерна и нарастания глобальной нестабильности.

Основная часть

Целый комплекс новых проблем возникает в сфере отношений церкви и государства. На протяжении многих веков эти отношения в большинстве стран христианского мира характеризовались высокой интенсивностью и серьезным влиянием церкви на все значимые сферы социальной жизни. Процесс секуляризации внес существенные изменения как в стратегию, так и в тактику взаимодействия церкви и государства в большинстве европейских стран. Возникла историческая ситуация, в очередной раз потребовавшая по-новому сформулировать традиционную проблему взаимодействия церкви и государства как значимого ресурса в достижении социального консенсуса и успешного развития общества в целом. Ее комплексное рассмотрение и системный анализ предполагают обоснование такой стратегии социодинамики современного общества, в которой постоянное и конструктивное взаимодействие церкви и государства рассматривалось бы как необходимый и уникальный по своим цивилизационным возможностям ресурс успешного разрешения глобальных и регионально-локальных проблем и противоречий современного мира. Конкретно-содержательная параметризация и успешное

решение этих задач предполагают разработку адекватного философско-методологического базиса концепции взаимодействия церкви и государства в современных условиях. Важнейшими и методологически референтными компонентами данного базиса являются следующие задачи: во-первых, категориально-философская интерпретация взаимодействия церкви и государства в социальных реалиях XXI в. как их перманентного диалога с учетом не только локально-государственных, но и глобально-цивилизационных особенностей; во-вторых, философско-историческая реконструкция различных типов взаимодействия церкви и государства, реализовавшихся в предшествующие века и эпохи прежде всего в контексте доминирования христианской религии.

Вполне логично, что изучение взаимоотношений церкви и государства также продолжается в рамках консервативной идейно-политической традиции. Консерватизм оформляется в первой половине XIX в. как ответная реакция на события Великой французской революции и позиционирует себя в качестве идеологического оппонента либерализма. Такая позиция родоначальников консерватизма обусловлена тем, что философия либерализма рассматривалась ими как один из теоретических источников революции. Становление консервативной традиции происходит в двух основных версиях: во-первых, в берущей начало в опубликованной в 1790 г. работе «Размышления о революции во Франции» британского мыслителя Э. Бёрка и, во-вторых, в системе идей, представленных в работах французских мыслителей Ж. де Местра и Л. де Бональда [1, с. 134]. Однако независимо от социально-политической специфики и национально-культурного своеобразия этих версий консерватизма тема взаимосвязи государства и церкви обязательно присутствует в них.

Так, Э. Бёрк назвал несколько основных ценностей и принципов, которые составляют основу классического консерватизма. Суммируя и конкретизируя их, вслед за Бёрком можно выделить следующие положения: 1) религиозные ценности и духовные цели в качестве регуляторов политической деятельности; 2) культивирование морали и нравственности; 3) авторитет церкви, школы и семьи в качестве фактора культивирования морали; 4) приоритет традиций национальной культуры и чувства патриотизма; 5) первенство интересов государства перед интересами отдельного человека; 6) основанное на христианском учении признание несовершенства мира и человека как «религиозного животного»; 7) видение общества не как механической, а

как органической структуры; 8) существование сильного, построенного на принципах социальной иерархии государства; 9) соблюдение прав и свобод человека с учетом их конкретно-исторической обусловленности; 10) приверженность принципам социальной эволюции, взвешенное и прагматическое отношение к переменам; 11) руководство при принятии важных для общества решений суждениями здравого смысла [2].

Показательно, что в вышедшей в свет в 1957 г. на Западе и приобретшей известность в профессиональных кругах в области политической науки статье С. Хантингтона «Консерватизм как идеология» [3] отмечается, что в своей основе все базовые идеи современного консерватизма определены еще Э. Бёрком. Конечно, новые социально-исторические условия общественного развития потребовали коррективов некоторых принципов, в частности, это касается диалектики интересов государства и индивида, смягчения принципа иерархизма в социальной структуре общества, что естественно для современного демократического общества. Приверженность традиционным ценностям религии сохраняет статус одного из базисных принципов консерватизма.

В частности, особое значение роли религиозных ценностей в общественном развитии придавалось представителями французской версии классического консерватизма Л. де Бональдом и Ж. де Местром. Луи де Бональд категорически отверг теорию общественного договора, настаивая на божественном происхождении монархии и приоритете интересов общества по отношению к интересам индивида. В политической теологии де Бональда, стремившегося создать иерархическую модель сословно организованного общества, использована аналогия в структурах политической и религиозной власти [4, с. 105], причем за основу взято соответствие триадичной структуры субъектов этих двух видов власти. Так, политической триаде «власть – посредник – подданный» соответствует религиозная триада, представленная в форме «Бог-Отец – богочеловек – человек». В политическом обществе названная социальная триада предстает как монарх – выполняющая функции государственного управления высшая знать – подданные, представляющие третье и четвертое сословия. Что же касается религиозного сообщества, то в нем триада выступает в форме связи «Христос – духовенство – миряне» [4, с. 105–106].

В целом же французский мыслитель выступает как противник сосредоточения всей власти в руках либо государства, либо церкви, рассматривая такую ситуацию как губительную для обще-

ства. Поэтому можно согласиться с мнением, что он сторонник баланса между религиозной и светской властями, считая их в равной мере необходимыми для «обуздания страстей» [1, с. 19]. В этом взгляды Л. де Бональда близки Жозефу де Местру, который, определяя монархию в качестве «лицетворения идеи отечества», в то же время провозглашал примат религии, поскольку она освящает государственные институты, придавая им тем самым стабильность и устойчивость. Поэтому, по его мнению, Французская революция стала наказанием за «отступление от Бога» [4, с. 93].

В XX в. проблема взаимосвязи светской и духовной власти, государства и церкви стала предметом специального анализа в политической теологии Карла Шмитта, которого часто характеризуют как политического философа, политолога или, как он сам иногда себя называл, «теолога юриспруденции» [5, с. 23].

На его творчество наложила заметный отпечаток социально-историческая ситуация начала века, которая свидетельствовала о глубоком кризисе современного общества и вызвала потребность в ее анализе с позиций идей консерватизма. По мнению К. Шмитта, социально-политические трансформации с необходимостью ведут к разрушению традиционных основ общества и формированию новой системы ценностей, но за одним исключением. О том, что представляет собой это исключение, говорят следующие его слова: «Вместе с каждой сменой политической ситуации меняются, по видимости, и все принципы – кроме одного: власти католицизма» [6, с. 103]. Выделение данной религиозной конфессии в качестве позитивного «исключения» не случайно и объясняется принадлежностью к католической церкви.

Отличительной особенностью трактовки политики немецким обществоведом является его концепция «друг – враг», одна из основных философских идей которой состоит в признании субстанционального характера политики. У К. Шмитта субстанциональность политического объясняется следующим образом: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага. Оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку это различие невыводимо из иных критериев, такое различие применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброму и злему в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т. д. Во всяком

случае, оно самостоятельно не в том смысле, что здесь есть подлинно новая предметная область, но в том, что его нельзя ни обосновать посредством какой-либо одной из иных указанных противоположностей или же ряда их, ни свести к ним» [7]. Субстанциональность политики предполагает возможность ее проекции на сферу религиозных отношений, поскольку, по словам К. Шмитта, «религиозное сообщество, которое как таковое ведет войны, будь то против членов другого религиозного сообщества, будь то иные, есть – помимо того, что оно является сообществом религиозным, – некое политическое единство» [7].

Что же касается взаимоотношений церкви (имеется в виду католическая) и государства, немецкий обществовед говорит об их взаимодополняемости, солидаризируясь с Ж. де Местром во мнении о ценности государства и церкви: «Ценность государства состоит в том, что оно дает решение, ценность церкви – в том, что она является последним, не подлежащим обжалованию решением» [6, с. 82].

Конечно, это утверждение имеет не прямой, а метафорический смысл, поскольку К. Шмитт хочет подчеркнуть духовный авторитет католической церкви в индустриальном обществе, в котором, как он отмечает, далеко не все благополучно. В этом обществе господствует «рационализм экономического мышления», а в городах все происходящее поддается калькуляции, поэтому автор делает вывод, что наступает «господство безличного», господство антихриста [6, с. 119]. Согласно немецкому обществоведо, в условиях кризиса общества и рисков демократического государства церковь не должна придерживаться политического нейтралитета и избегать участия в политической борьбе. Этот вывод логически вытекает из его концепции «друг – враг» в политике, требующей в условиях крайней опасности, когда судьба государства «висит на волоске», определяться, кто является сторонником сохранения стабильности государства и общества, а кто – его противником – «врагом». Причем это решение принимает государство с опорой на традиционные ценности христианства.

Политическая теология К. Шмитта обладает ярко выраженной спецификой, что обуславливается своеобразием исторической эпохи первой половины XX в. и спецификой бурных событий в Германии того времени. Однако данная ситуация позволяет рельефней выделить принципиальный характер связи государства и церкви в философско-политической мысли консерватизма. Эта связь, на наш взгляд, вскрыта в следую-

щей характеристике: «Непомерное расширение политической сферы, области политических решений ведет у К. Шмитта к универсализации политического, с чем связано и отождествление религии и политики. Суверенная власть решает все, что связано с чрезвычайным положением, с утверждением чрезвычайного положения она отменяет границы политического, которые были действительными в нормальной ситуации» [4, с. 113]. Конечно, в концепции мыслителя существуют определенные противоречия, главное из которых заключается в явном несоответствии такой традиционной ценности, как приверженность консерватизма принципам социальной эволюции и нормам права, наделению суверена в чрезвычайной ситуации «божественным» правом принимать решения, которые могут не соответствовать юридическим нормам. Следовательно, это означает возможность рассматривать право как производное от политической власти. Но подобную амбивалентность принципов консерватизма можно квалифицировать и как социальный прагматизм, предусматривающий опору в управлении делами государства на здравый смысл, а значит, на способность к модификации его идеологических принципов. В данном контексте следует отметить, что консерватизм не потерял влияния и в наше время. В частности, характеризуя современные социальные процессы, известный российский политический философ М. М. Фёдорова отмечает: «Традиция де Местра не закончилась. Естественно, уходят в прошлое теократические, провиденциалистские ее моменты. Потому что монархия уже прекратила свое существование во Франции, и другие проблемы выходят на первый план. Но методологические принципы, в первую очередь опора не на индивида, а на историю, остаются в силе. Сохраняется и идея, что политика должна опираться не столько на априорные постулаты разума, сколько на человеческий опыт, как он запечатлен в истории. Эти принципы есть и у новых правых. И во всех голлистских движениях. Да, нет провиденциализма де Местра, но религия как опора человека никогда не отрицалась» [8].

Что же касается отношения современного либерализма к религии и церкви как ее социальному институту, то показателен вывод М. Вебера, разделявшего идеологию либерализма. Сопоставляя с «господствующим духом времени» статус «этики убеждений», отдающей приоритет традиционным ценностям, и «этики ответственности», исходящей из признания первостепенного значения интересов сообщества, он делает

вывод, что «религия в современных условиях, равно как и в обозримом будущем, не может более играть никакой непосредственной и культурно-определяющей роли» [9, с. 210].

Как следует из работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», протестантская религия (в частности в ее кальвинистской версии) способствовала становлению индустриального общества, а значит, и оптимизации его государственного устройства, затем ее влияние на политику стало падать. Правда, по мнению исследователей творчества немецкого социолога, он имел в виду более строгое очерчивание границ влияния религии, понятно, что она в либеральной трактовке должна рассматриваться государством как частное дело человека, являющегося членом гражданского общества.

Что же касается характера отношений католической церкви и государства, то эта стратегия определяется спецификой самой «вечной» религии, заложенной в Средневековье и предусматривающей дуализм двух ветвей власти – светской и духовной – и, следовательно, диалог государства и церкви. Церковь продолжает видеть свою задачу в преображении мира, о чем говорится в положении социальной доктрины папы-реформатора Павла VI, сформулированном в знаменитом послании «О прогрессе народов» 1967 г., утверждающем «непреложную важность Евангелия для созидания общества в свободе и справедливости» [10].

Выходит, что при существующем многообразии концепций взаимосвязи церкви и государства в современном обществе можно говорить об их философской фундированности и социально-исторической обусловленности, определяющих воплощение этих моделей в социальной практике христианского Запада. Действенность этих концепций подтверждена общественной практикой как в странах, в которых приоритетной является атлантическая традиция организации политической жизни, так и в странах, которые привержены континентально-европейской традиции, в большей мере артикулирующей роль государства в обществе [10]. Дальнейшее исследование данных концепций имеет теоретическое и практическое значение. Этот вывод вытекает из слов К. Поппера: «...В наше время характерной реакцией на существующее напряжение цивилизации стало вхождение в моду в определенных интеллектуальных кругах “христианского” авторитаризма Средних веков». Но он не ограничивается простой констатацией приведенного факта, а объясняет причину этого явления: «Раньше люди верили в то, что Бог правит миром. Эта вера

ограничивала их ответственность. Новая вера, в соответствии с которой они должны править сами, налагает на них невыносимое для многих бремя ответственности» [11, с. 33–34].

Заключение

Проблема взаимосвязи светской и духовно-религиозной власти, которая на институциональном уровне конкретизируется в форме диалогических взаимоотношений государства и церкви, актуальна для современного общества. В XX в. проблема взаимосвязи светской и духовной власти, государства и церкви стала предметом специального исследования как в политической теологии, так и рамках консервативной идейно-политической традиции.

Список литературы

1. Гаджиев К. С. Политическая философия. М., 1999. 605 с.
2. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. 144 с.
3. Huntington S. P. Conservatism as an ideology // *American*

- Political Science Review*. Cambridge, 1957. Vol. 51, № 2. P. 454–473.
4. Козловски П. Общество и государство : неизбежный дуализм. М., 1998. 367 с.
5. Schmitt C., Eberhard M. Glossarium : Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Berlin, 1991. 364 S.
6. Шмитт К. Политическая теология : сб. М., 2000. 333 с.
7. Шмитт К. Понятие политического // *Политология : хрестоматия* / сост.: М. А. Василик, М. С. Вершинин. М., 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/02.php (дата обращения: 22.02.2018).
8. Федорова М. После Французской революции секуляризм не имел сильной альтернативы : интервью / беседовала Л. Ульянова // *Русская idea*. URL: <http://politconservatism.ru/interview/posle-frantsuzskoj-revoljutsii-sekulyarizm-ne-imel-silnoj-alternativy> (дата обращения: 21.02.2018).
9. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность : социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. 366 с.
10. Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства : от традиции к современности. Минск, 2017. 205 с.
11. Поннер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. 525 с.

Образец для цитирования:

Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства: проблема интерпретации в консервативной идейно-политической философской традиции и политической теологии К. Шмитта // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-43-48>

Dialogue of Church and State: Problem of Interpretation in Conservative Ideal and Political Philosophical Tradition and Political Theology of K. Schmitt

N. S. Shchekin

Nicolai S. Shchekin, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surганова Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus, biant14@icloud.com

Traditionally, for many centuries, the dialogue between the Church and the state was characterized by a significant influence of the Church on all major spheres of social life in most countries of the Christian world. Revealing the theocratic foundations of the institutionalization of the value dialogue of the church and state in modern societies, the author focuses on clarifying the causes of the spiritual and moral crisis of Western civilization. The Church is attempting to rethink the role and place of religion in modern society in accordance with the moral traditions of the European community in opposition to globalization processes. A conceptual model is analyzed in which this problem is comprehended within the framework of the conservative ideological and political tradition (E. Burke, J. de Maistre and L. de Bonald) and the political theology of K. Schmitt. The traditional problem of interaction between church and state as a significant resource in achieving social consensus and successful development of society as a whole is formulated in a new

way. In the context of a conservative ideological-political tradition and political theology, it is justified that it was the elaboration of the dialogue strategy between Church and State that led Christian cultural values, while remaining largely a semantic constant of European culture, transform their clerical nature and successfully integrate into the secular cultural landscape.

Keywords: dialogue of church and state, christianity, conservatism, political theology, tradition, innovation, values, theocracy.

References

1. Gadzhiev K. S. *Politicheskaya filosofiya* [Political Philosophy]. Moscow, 1999. 605 p. (in Russian).
2. Burke E. *Reflections on the Revolution in France*. London, 1968. 344 p. (Russ. ed.: Berk E. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, odnosyashchikhsya k yetomu sobytiyu*. Moscow, 1993. 144 p.)
3. Huntington S. P. Conservatism as an ideology. *American Political Science Review*. Cambridge, 1957, vol. 51, no. 2, pp. 454–473.
4. Koslowski P. *Gesellschaft und Staat: ein unvermeidlicher Dualismus*. Stuttgart, 1982. 332 S. (Russ. ed.: Kozlovski P. *Obshchestvo i gosudarstvo: neizbezhnyi dualizm*. Moscow, 1998. 367 p.).

5. Schmitt C., Eberhard M. *Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951*. Berlin, 1991. 364 S.
6. Schmitt K. *Politicheskaya teologiya: sbornik* [Political Theology: Collection]. Moscow, 2000. 333 p. (in Russian).
7. Schmitt K. Ponyatie politicheskogo (The concept of the political). In: *Politologiya* (Political science). Reader. Compl.: M. A. Vasilik, M. S. Vershinin. Moscow, 2000. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/02.php (accessed 22 February 2018) (in Russian).
8. Fedorova M. Posle Frantsuzskoi revolyutsii sekulyarizm ne imel silnoy alternativy (After the French Revolution, Secularism did not Have a Strong Alternative). Interview L. Ulyanova. *Russkaya idea* (Russian Idea). Available at: <http://politconservatism.ru/interview/posle-frantsuzskoj-revoljutsii-sekulyarizm-ne-imel-silnoj-alternativy> (accessed 21 February 2018) (in Russian).
9. Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. *Istoriya i ratsionalnost: sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskiy renessans* [History and Rationality: Max Weber's sociology and the Weberian Renaissance]. Moscow, 1991. 366 p. (in Russian).
10. Shchekin N. S. *Dialog tserkvi i gosudarstva: ot traditsii k sovremennosti* [Dialogue of Church and State: from Tradition to Modernity]. Minsk, 2017. 205 p. (in Russian).
11. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*: in 2 vols. London, 1945. Vol. 2. 420 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugiye orakuly*. Moscow, 1992. 525 p.).

Cite this article as:

Shchekin N. S. Dialogue of Church and State: Problem of Interpretation in Conservative Ideal and Political Philosophical Tradition and Political Theology of K. Schmitt. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-43-48>
